

1 проп.

Уважаемый товарищ
Редактор!

8833

1

Направляю свой рассказ
для опубликования, прошу
мне сообщить. Период воспомина-
ний описанные в рассказе
не совпадают с октябрем 1918 года,
но сам Брестский Кузьма Александрович
был участником боев против Колчака,
Врангеля, Махно, против тех, которые
хотели задумывать молодую Советскую
Республику. Тов. Брестский К. А. жив,
в данное время, пенсионер. Направляю
мной все материалы в крайнюю,
в будущем он будет дополнен
эпизодами.

С приветом М. Гроссман

г. Улан-Удэ, № 9, 2-й поселок
Краснодонская п. б. "А" п. б. 5 полк 2.
18. X. 57 г.

Это было 40 лет тому назад.

2

Машина повернула по дороге влево и немного отъехав сехала медленно поднимаясь на последнего „братца“. Поднявшись на самую вершину мы увидели огоньки вновь высмотренного поселка Усть-Баргузин. Непрошло и 20 минут, как мы оказались у дома где должны остановиться для отдыха. При входе в дом нас встретил старик и приветливо попросил пройти.

Непрошло и полчаса как мы сидели за столом и вежливо разговаривали. И наконец в разговоре присоединился Кузьма Александрович Брянский который рассказал нам о себе:

- В мае месяце 1916 года царское правительство мобилизовало меня год рождения 1897г. С мая м.ч. 1916г. по январю мес. 1917г. я прослужил в гор. Иркутске во 2-м легком артиллерийском запасном дивизионе. В январе 1917 года нас отправили в гор. Царское село где от Петрограда 20 верст, от Иркутска до Царского села мы ехали в товарных вагонах по 48 человек. Ни сидеть, ни лежать не было возможности, ехали ровно 40 суток. Доехав до места мы не узнавали друг друга такие были грязные, за 40 суток ни разу не были в бане, утирали умывались снегом маломальски, а кто и не мылся. Прибыв в Царское село в феврале мес. началось формирование 2-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона. Получили мы орудия, которые совершенно не были похожи на орудия, какого-то среднего образца. Снаряд орудия 1 артиллерийский закреплен намертво в цапфах лафета, а цапфы лафета без всякого сцепления - нет ни молыки, ни буферного накатника, на конце лафета не сошник как это бывает для упора, а окружено с конусом. При выстреле на колеса надеваются бауляки вроде гусениц только деревянные на железных скреплениях, под колеса сзади подставляются клинья большие вроде трапниц, а впереди короче, но крутые клинья. Во время выстрела орудие накатывается

2- сначала на задние, а затем на передние и шагив
образом несколько раз поиграется макет, пока
орудие не встанет в первоначальное положение, а
зарядилось оно так первый номер наводчик встает
на площадку лареша, второй номер подает ему
бомбу - снаряд 24 или 28 фунтовую, затем мешок с
порохом посередине перевязав в виде "муравья" в
марлевой оболочке. Наводчик банником держит
все дообкава - закрывает замок, в замке курок
с бойком ней, а пружина отверстия для выстрела
трубки взрывателя, когда орудие готово наводчик
по команде выставляет эту колесную трубку в
отверстие замка, у наводчика имеется штур-
пелька с крючком, а у трубки нейлз. По команде:
огонь!, наводчик зацепляет крючком штур-
пельку трубки сам же всадает левое колесо в
двух шагах, а оставшая прислуга отходит на
10 шагов назад правее орудия и ложится. Навод-
чик держит штур, который скреплен с колесной
трубкой взрывателя, бой лещик и игла выстрела,
но он не всегда поиграется, в большинстве трубка
взорвется, а выстрел ней или поиграется зажатый
выстрел, трубка взорвется и начнется кипение
в канале ствола в казенной части, бой лещик
не жив не мертв и думаешь произойдет выстрел
или разорвет орудие. Такие орудия наверно сох-
ранились только в музее Революции.

Сформировав из нас тяжелый артиллерийский, нем-
ного подумали. 22-23 февраля 1917 года старшие
офицеры не стали появляться в нашей поурядке,
только младшие вели с нами занятия. Мы
солдаты ничего не понимали, и ничего не знали,
лишь в 5 часов вечера 27 февраля пришел к нам
прапорщик Острогазов прямо в бывшую конюшню
где был расположен только что сформирован-
ный дивизион и объяснил, что в Петрограде
идет бой за власть царя и против царя и
что большинство идей против царя. За кого
мы будем воевать? Он тут же ответил что
мы присоединились к большинству т.е. против

3- царь, прошив царского правительсва. Пока слу-
чали пропаризика на улицах города Началась
стрельба. Мы вышли все организованно и нап-
равились к оружейным складам, открыв склады,
забрав оружие мы двинулись колонной к зимне-
му двору где находился царь Николай, сняв
жандармскую охрану, выславили свою войска
и вооруженные рабочие пошли по улицам. Бои были
незначительны изредка встречались с герцоков преще
оружейные выстрелы и пулеметные очереди.
Мы подошли к тюрьме и выпустили всех кто там
находимся. Таким образом пять суток небыло ни
какой власти, никто наши не руководил и мы
„шлялись как овцы потерявшие вожака“. Но все
стало появилось организмом теперь уже их называли
не „ваше благородие“ а „господа офицеры“.
Пробыв до конца апреля 1917 года в Царском селе
нам двинуть направили на дорню, у правительсва
своим Керенский, с экипом уродливости оружейной,
линия фронта проходила в это время за городом
Жарнополе (Талицы). Сегодня к рецуре „золотая
липа“ и просидя до июля месяца 1917 года мы
сидели обидупайть. Командиром дивизиона был у
нас немец барон Виттго, при обидуплении от
дал нам маршрут по направлению к немцам,
а сам уехал к ним вперед с тем чтобы сидеть
в их распоряжение наш дивизион, но на первой
осидановке в „поле-бивока“ командир 2^й батареи
нашего дивизиона Семинюк (в это время от заме-
чал барона Виттго) объяснил нам, что маршрут
данный бароном Виттго выведет нас на территорию
занятую немцами таким образом через 15 верст
мы будем в руках у немцев, но если выход, можно
сидеть и не попасть в руки к немцам только чужие
немедленно изменить маршрут. Сразу единогласно мы
решили и пошли в другом направлении. Орудия были
тяжелые запрягли лошадей по 6 выносе т.е. 12 лоша-
дей. а также по 12 лошадей запрягли под зарядные
Ямки. Шли без сидуха 2^й сундук и вышли к городу
Могилев, отсюда нам дивизион направили на югах

4- в Новгород-Северск Тертиговской губернии на реке
Десна, где и пробыл до октября 1917 года. В то
время существовали байдарейные комитеты именов
каждого бат и я. Байдарейный комитет разрешал
опередные отпуски, в это время подошло мое очередь
на очередной отпуск и мне был предоставлен
отпуск на 50 суток. Поехал, а вернее шли на
половину, в это время солдаты бросив оружие
разлетались по домам, жел.-дор. транспорт почти
был разбит. С трудом я добрался до дома в
начале 1918 года, когда шла мобилизация а
малом Семеновом и мне пришлось скрываться, дезер
тировать в лес где находился целый отряд
дезертиров. В течение 1918 года несколько раз
приходилось являться в воинское управление
города Верхнеудинска и убежать обратно
под разными предлогами и жить лишь в лесах
в primitively оборудованных землянках, жились
кое как с трудом. Дома семья перетивала не
меньше нас, семеновские отряды делали поваля
ные обыски, били порою отцов, братьев и все
это за нас, приказывали найти и представить
к ним. В это время у меня был большой млад
ший брат, при обысках несколько раз его заби
рали ногами, избивали и увозили к сараю
на умиление. Так прошел 1918 год. В 1919 году
наши семьи были окончательным образом,
подписали коллективное, отобрали весь скот.
Летом 1919 года меня поймали семеновская
милиция прямо дома. Я и один мой товарищ
Кузьмин ночью пришли за продуктами, после
нашего прихода семеновцы окружили весь двор,
я спрятался в сенах, но меня там же избили до
полусмерти, проломив в нескольких местах
голову, связали руки и ноги и увезли на наших
же лошадях, такая же судьба постигла и
Кузьмина. Привезли нас в Верхнеудинск,
но не в воинское управление а прямо на
сидальню, посадили в вагон под караул на
замок. В вагоне были такие же люди как и мы

со всех деревень. Сформировав эшелон с дезертирами нас направляют на фронт в распоряжение Колгак. Всяю дорогу ехали в замкнутых вагонах и под караулом таким образом привезли нас в Новосибирск, но к сожалению Колгак такое войско не принял. Нас повезли обратно. Доехав до станции Юрга Томской ж.д., повернули по ветке Кольгушинской ж.д. до города Щелов, где и сдали нас гехам под надзор. В городе сидели гешские войска, которые усидановили над нами свои порядки, засиживали рабобаше, по 18 часов, а кормить нас нечем было, мы ходили выпрашивали и собирали что, что дасть. В один из дней нас двоих меня и Кузьмина назначили патрулями, выдали нам на двоих одну берданку и три патрона, долго не раздумывая забрав, что выдали мы решили бежать. Покинув город, мы направилась в деревушку где с помощью одного старика этой деревушки, который указал нам дорогу, и даже проводил нас в лес к партизанам находящимся в районе города Щелова в партизанский отряд имени Лобова №2. где нас приняли. Всегда с отрядом на станции Большойая мы приосановили все движение по железной дороге. В это время сильно обсибунали буржуи и войско Колгака, но это было не надолго мы не выдержали наиска, подкрепления нам никто не давал. Красная Армия была сельное насидупление и они не знали куда в какую сторону бежать. Нашему отряду пришлось обсибунить в горы. В большом селе Красный Др. что на реке Толь осидановили 8^й бийский полк Колгака од этом нам соидерли крепезне. Ногью нам отряд начал окружение села, но, село было далеко не равное нам отряд соидан из 1¹/₂ человек, а караковский полк соидан из 3000 человек, но в это время подоспел подехаф 30^й конный полк 30^й сиренковой дивизии. И колгакровский полк сдался без боя, гасе

офицеров сделали, а также убегали. Было взято
очень много оружия, патронов и др. Здесь мы и
влились в 17^ю Верхнеуральский красногвардейский
полк 30^ю дивизии. В городе Тюльске была сделана
осада для наматывания порядка, а затем
начали продвигаться дальше. По дороге были не-
большие бои, поэтому что впереди действовали
партизаны. Войска до Мысовой (гор. Бабушкин)
была сделана осада. В начале 1920 года
30^ю дивизию (в которой и был я) вывели на охрану
дуггерской границы. Границей была река Селенга.
Они сдерживали татаров до Монгольской границы
были расставлены постои по реке Селенге. Тим-
мерто в августе или сентябре 1920 года 30^ю
дивизию направил на юг на Врангелевский
фронт, Врангель в то время действовал на
Украине, и нам пришлось снова поехать. Теперь
уже пролив Врангель. Докав до города Ми-
милополь Таврической губернии нас выгнали
и мы выступили в бой, я в это время был командо-
вником отряда 2^{го} легкого артиллерийского диви-
зиона 30^ю дивизии. Цели с боями на каждой
осаде, в каждой населенной точке. У про-
лива Сиваца Врангель имел последнюю по-
зицию, на что он расширявал, чтобы не отойти
Крым. Наме командование подняли войско.
Фронтом командовали и.т. Фрунзе М.В.
Ворошилов К.В. Буденный С.М. Начался бой
за Тенгарский и Сивацкий мосты. Нам
дивизион сидел в первой линии, в задних линиях
сидели батареи более крупных калибров
Было 4 линии артиллерии. Начался сильный
ураганной артиллерийской огонь. В итоге
одного часа я из своего отряда выпустил
около 180 снарядов и отряд не выдержал
огоня и вышел из строя. Некогда перейд
в наступление была Врангель с послед-
него его укрепленной позиции. Фронт наша
дивизия вошла в Крым. Врангель бросил
свое войско и все снаряжение, оружие и др.

Когда мы брали перекопы, то нам помогал н.е.б) присоединился к нам дядько Махно и он со своим войском зашел с нами в Крым. Дойдя до города Симферополя ему предложили разоружить свое войско и распустиить. Он был не согласен. Он заявил: "На Украине я хозяин а не вы и мне не указывайте, я буду делать." Дядько Махно сумел выскользнуть из наших рук вывел обратно из Крыма в Павригескую губернию свое войско, разбив на отряды отдал приказ действовать против нас. Прибыв в Симферополь, там дивизию назначили в береговую охрану Черного моря, Трапезное местечко (Аккерман) где и пробыли мы около 20 суток, после чего всю 30^ю дивизию направили на ликвидацию банды Махно. Приходилось очень тесно с ними сражаться и открывать бой, особенно в районе города Бердянка около Азовского моря в селах Дунай-поле (родина Махно), Пологи, Троицкое, Терпиговка, Андреевка и ряде других сел. Но не забываем деревушка Ручейки, в которой мне пришлось попасть в плен к махновцам. А как это произошло? Я в числе 13 человек был направлен в командировку и по возвращении из командировки мы с вами держали свою байбарет по талому направлению куда двигалась наша байбарет. Но пути мы захали в деревню Ручейки, чтобы там подкрепиться и лошадей покоррежить. Разделившись на две группы мы разехались по хатам. В одну хату 6 человек, в другую 7 человек. Наварив галушек (рвантов), надо было садиться за стол, но никто не осмеливался садиться, видеть сидят кушалаи, сидят такте. Я подгерпнул кружик галушек зашел за стол все на скамейку после чего рядом уселись остальные пять человек, взяли вбегалой 10 человек с оружием в руках прямо к столу, захватили нас врасплох, а такте и в другой хате забрали. Приказали по одному раздеваться до нижнего белья и выводить на улицу.

так и друила очередь до меня, так как я за себя считал
сидел первым, выходил последним. В то время когда
я сидел подумал: "Вот думаю где пришлось умирать,
совсем не на деле". Я меня было на руке широкое
золотое кольцо, я его снял за столом и отпустил
под стол. Когда я встал с тем гимнастерку и бро-
сил на солому к пище, то козылка хатки поза-
видвала, взяла её сломила на моих глазах
положила в свой ящик. Вывели всех нас в ограду,
все в белое, связали руки. Пока происходило это
действие, наступила зима, пришла зима. Вывели
нас из ограды на улицу и повели. Насобиралось
бандитов до 50 человек, все полные, верхами на
лошадях, едут потой, смеются, поют песни
советовались как поступить с нами или изрубить,
или расстрелять. Пока я шел, незаметно высвободил
одну руку, а зашел тогда освободил другую руку,
но иду также руки назад, веревку держу руками.
Сображаю, что дрожу больше на безы будешь смерть
не так страшно, чем на месте связанному. Я не
думал о спасении, а думал о приеме смерти, о
чем давал понятие рядом шедшему со мной Кузь-
мичу, но он не понимал, так как был сильно расстроен.
Вдруг нас стали на ходу выравнивать и погонять,
что сейчас наступит рубить мяскалы. Долго не
раздумывая я просил брата, но не успев пробе-
жать трех шагов, как сорвался и упал в
обрат. Полностью всецел, восторг. Оказавшись на
дне обрета, я встал на ноги и побегал, замечая
что по краю обрета бегал всадник, который от-
крыл по мне стрельбу, но как он не старался
стрелять, не разу в меня не попал. Я пробегал
по обрета до того места где он равновесил
на две ветки, я устремился по левой ветке,
а махновец по правой, здесь он меня пощелкал.
Добежав до конца обрета я попал в едбли
подсолнуха и кукурузы. Там я на землю и слу-
шал чудится мне, что меня догоняют, соскочил
и бегать брата, но никого не было мне все казалось.

Но всей премьеры я в увеселение, осматривался, огляделся, больше на мне было изорвано, сам весь я был в крови, особенно ног. Вперед перед собой я увидел хутор и направился к нему. Хутор был расположен недалеко от села Терниовки. Подойдя к одному домику, я с трудом спросил у одного ситарика. Когда я вошел в домик то кроме ситарика в нем находилась большая женщина с ребенком. Увидев меня раздетого и всего в крови они перепугались, я все попал у дверей и стал спрашивать что есть ли в хуторе какие-нибудь солдаты. Он мне сообщил, что какие-то в деревню приехали. Я уговорил, чтоб он сходил и узнал. Пока он ходил я сидел и думал, кого приведет ситарик? Своих или махновцев? Что будет, решил я. Спустился немного времени, ситарик вернулся и с ним пришел два солдата, они оказались из нашего управления дивизиона. Увидев меня они начали спрашивать, что со мной случилось? Но я отвечать уже не мог. Вскоре привели лошадей с санповозкой, пришла медсестра. Меня отвезли в военный госпиталь где я пролежал 27 суток, особенно болели ноги, они были зертые, опухшие. Врачи хотели ампутировать ноги выше колен, но потом решили лечить, и вылечили. Пока я находился на лечении в госпитале наша батарея искала остальных 12 человек, погорные погибли сирацной смертью. Ни один раз в госпиталь ко мне приезжали командный состав и разведчики нашей батареи, я им рассказывал, что как померло и где надо искать погибших товарищей, но сколько не искали найти не могли. Несколько раз я отпрашивался у завврача, но всякий раз мне было тяжело больными меня не отпускали. Когда я выздоровел то поехал со своим отрядом искать товарищей, по той дороге, по которой мы держали свою батарею. Доехали до деревушки Рудейки. Я укавываю хаты в которые заезжали - одну и вторую. Заходим в эту хату, в которой я был. Командир отряда Петров меня незаметно, тихо спросил, о чем это ты

Хозяйка жаждала, кивнув головой в сторону спрятавшейся женщины. Я подтвердил что она и есть. Хозяйку нагале спрашивалось о том survived ли кто было, но она во всем отказывалась. У меня не хватило терпения и я подошел к ней и спросил узнаешь ли чей мечь. Она посмотрела молчком чего же сказав замкнула, села на лавку, но которую мы сидели. Я сел ей приподнять, как раздался и бросил к пише гимнастерку, как она ее взяла и положила в ящик. Нам пришлось самим вскрыть ящик. Гимнастерка оказалась на месте, как и была положена. Я сел и требовать, чтобы хозяйка показала кольцо, которое я бросил под стол. Кольцо так же оказалось в ящике. В хату вошел хозяин, он сначала не понял, в чем дело, но когда он узнал, что мы солдаты Красной Армии хотели скрыться, но был задержан, он был из банды махно, он угрожал в убийстве наших товарищей. На спросе он не признавался, а только плакал и просил прощения. Мы направились по тому направлению, по которому нас вели махновцы, дойдя до сврага мы никаких признаков не обнаружили. Пройдя от сврага до турейка где на берегу берега нависла солома, когда сели разрабатываться, то внизу под соломой обнаружили трупы. Они были изрублены до неузнаваемости. Все трупы были доставлены в гасиб и по военскому обычаю на лавриках судия похоронили.

Кувша Александрович замолчал но его глазах выступили слезы. Да, все вспомнилось, а воспоминание не легкие

Вой и мое последствие - сказав он и показал на недвижимые руку и ногу. Прошло сорок лет со дня революции и сердце радуется за счастливую жизнь наших друзей и вужков. А радостно за все. Прошедшая нашей Красной гвардией кровь не зря. Теперь вы видите, что нам завоевано.

М. Тросолов.